

Павел Кренёв

РАСПУМЕЛОСЬ БЕЛОЕ МОРЕ

Часа три назад солнце выползло из морской закраины и теперь уже приподнялось над уходящим на морскую сторону широким речным пространством. Сейчас висит высоконочко и светит ярко в летнем небе, разбрасывает свет и тепло над гигантским простором моря, над впадающей в него великой Северной Двиной.

Повсюду колыхается лёгкое и прозрачное марево середины лета, просвеченное тонкими солнечными лучиками, играющими на гладкой поверхности реки и проникающими в водяную гладь до самого далёкого песчаного дна. Воздух недвижим. Лишь изредка со стороны морского пространства, словно чуть слышные вздохи, доносится шелест слабого ветерка – несильного морского бриза. Это пригретое утренним солнцем разомлевшее море выдыхает в сторону прибрежного леса лёгкие порции прохлады, настоящей на солоноватом и пряном морском аромате. Два рыбака, разморённые окружившей их тёплой негой, покачиваются в карбасе в Двинском Устье. Им некогда особенно нежиться – один из них, сидящий в корме подросток – юрок, непрерывно поднимает весла и, толкая их от груди, перегоняет лодку с места на место.

Морские удочки, снаряжённые из своедельного тонкого прядена, с тяжёлыми грузилами-свинчатками, да с кованными, зацепистыми, прочными крючками, лежат бездельно в берестяных пестерках на дне карбаса. Но до удочек рыбакам пока нет дела: через песчаные «кошки», коих обильно в этих местах, перекинуты три продолника, каждый метров по семьдесят – морская снасть с привязанными через полтора метра скаными поводками и стальными небольшими крючочками. На каждый из них насажена обильная наживка – толстенные морские черви. Беломорская камбалка испокон веку охоча до этих червей, живущих в твёрдом, утрамбованном волнами донном морском песке. Концы продолников привязаны к буйкам, покачивающимся на лёгкой зыби в полуста метрах друг от друга. Буйки постоянно трепыхаются потому, как камбала клюет задиристо и непрерывно.

Вот опять задёргался крайний буёк, но рыбаки сразу не реагируют, лишь поглядывают на него с равнодушными физиономиями: пусть насалятся

на крючки и другие рыбки. Когда буйки начинают дёргаться совсем уж азартно, старший в лодке Ксенофонт даёт разрешительную команду младшему напарнику, сыночку своему:

- Давай-ко, Ионарьюшко, подпеть-ко, чё-то тамогде улипло опеть.

Говорит он это, маленько важничая, враспяжку, как бы нехотя: промысловое дело не терпит суеты, а он - старший в карбасе, и все остальные обязаны соблюдать неизбывное поморское правило – кормщику беспрекословное уважение. Но и спрос с него велик: «с худым кормщиком в море сунессе - наголодаиссе» - так сказывают деревенские обитатели. Ежели в море с таким артельщиком сходили и вернулись пустыми – ему и бока намять могут. Значит, плохо руководил, не отыскал рыбные места, снасти не так выставил, коровье ботало... Артель голодная, семьи голодные... Кто виноват? Кормщик! А коли так – получай по рылу! И не ропщи, дурак, сам виноват - так положено «на мори».

На этот раз всё немножко по-другому: за камбалой в море ушли батько Ксенофонт – бывалый рыбак и сын его Ионарий, парнишко пятнадцати годов от роду – родные люди, между ними не могло быть вражды, да неладов. Тем более, что для Ксенофонта не было тайн в рыбацком деле. Он без добычи домой не приходил.

Всё удачно получилось на этот раз.

- Короба на три улипло, - прикинул улов Ксенофонт и быстренько ладонями сгрёб рыбу в одну немалую кучу. – Хорошо, ды порато хорошо! Эдак-то мы скорёхонько дело справим! Матке пару коробов приволокём для засолу. Эко ладим с тобой, Ионарьюшко...

Он выпрямился во весь рост, погладил холщовую, замызганную рубаху на впалом животе:

- А дня-та ишше благошко, гляди, сыно, ише стоко же ульнёт.

- В сам деле, батько, оно справно выходит. Вона скоко до паужны надёргали, коегодни не было эстолько...

Поморы опасаются вслух хвалить удачу. Переменчива она, лихоманка... Да только вон опять уже шибко трепыхается дальний буёк. Надо попадать туда... Как не похвалить...

Когда день перевалил на другую половину, карбас огруз от рыбы, ноги рыбаков по щиколотку завалены камбалой. Ксенофонт смотрел на сына, на то, как тот азартно работает с продольниками, торопится наживлять червей, спешит к добыче и втихомолку радовался:

«Замена вырастат! Помор доброй будёт, батьке с маткой подмога».

Ещё увидел Ксенофонт: дело идёт к вечеру. Вон солнышко падает уже к закатной кромке неба... Надо завершать удачный день...

- Ионарьюшко, давай-ко вымать будем крючочки, шабашить пора нам. Денёк-то гаснёт.

А тому совсем не хочется уезжать от счастливого местечка, сын извертелся весь на лодочной банке, постанывает:

- А можа, батя, ешшо бы маленько?.. Куды гнать-то порато? Удьба-та хорошашша страсть...

Отец понимает сына, сам был таким когда-то, не в такие уж дальние времена... Но погода стоит тихая, считай, полный штиль, парус бесполезен, идти придётся на вёслах, семь неполных вёрст... Далековато... Да ещё с грузом: рыба закрыла пятый набой карбаса. И грузновато...

Карбас пойдёт неходко. Сынок его выбьется из сил...

- Не, Ионарий, не. Давай-ко, парнишечко, доставать продольники, да в деревню надоть попадать.

Сказал так Ксенофонт и потянулся, похрустел косточками в пояснице, распрямил скрюченную за долгий упряг сиденья в карбасе спину, поразмял мышцы в руках, да ногах. Он пораскинул во всю ширь бугристые от избыточной силушки руки, покрутил ими резко, глянул налево, посмотрел направо...

И увидел над водой дымы. Их обозначилось несколько. Из морской дали в устье Двины заходили корабли.

- Поглянь-ко, сын, к нам идут, вроде.

- Ну, идут, да и идут. От безделья им шастать тутогде... – Ионарий не придал особого значения разбросанным по морской дали дымам. В самом деле, в последние времена изрядно толчется у двинского устья приходящих из моря судов.

Но пока рыбаки, не торопясь, степенно собирали какой-никакой скарб, разбросанный по днищу карбаса, сматывали в аккуратные, большие клубки продольники, пряча острие каждого крючка в верёвочную тетиву, укладывали снаряжение в холщовые мешки, корабли на малом ходу проходили уже совсем близко, метрах в двухстах от рыбацкого карбаса. Два огромных военных судна со строгими формами морских хищников, с пушками наперевес, с трепещущимися разноцветными флажками и вымпелами на мачтах и на реях. Они не знали здешних глубин и шли тихо в кильватерном строю, друг за другом, передвигались напористо, уверенно... Так приближались к обречённому врагу победоносные шеренги римских легионеров, уже снискавшие мировую славу непобедимых. Они шли, никого не боясь, ничего не стесняясь, хотя находились в чужих водах. Шли, как хозяева.

На палубах сновали матросы, переговаривались между собой, что-то кричали друг другу на каком-то непонятном, чужом языке.

По бокам больших судов шмыгали кораблики маленькие, но тоже военные, судя по боевым формам, пушечкам на носках. Они деловито шныряли около кораблей-гигантов, и кто-то с их бортов выкрикивал в мегафон туда, наверх, на палубы этих монстров, слова военных докладов. Маленькие кораблики, как и люди важным начальникам, всегда подчиняются кораблям большим. Они обыкновенно похожи на собачек, бегущих рядом с идущими в поход за добычей хозяевами и готовых выполнить любую их команду.

К капитану впереди идущего английского крейсера «Глория» подбежал помощник и доложил: на траверзе стоит русская лодка, наполовину заполненная рыбой.

«А что, неплохая добыча», - подумал старый пират, вспомнив, как он, юный офицер флота Её Величества, в числе других, таких же молодых мореманов - искателей приключений, мечтающих о легендарных подвигах знаменитых английских пиратов – Чёрной Бороды, Френсиса Дрейка, Бартоломея Робертса, резвились в водах Сардинии, опустошая наполненные рыбой пироги туземцев. Тогда капитан навсегда полюбил вкус и запах свежеприготовленной макрели.

И дал команду боцману: послать матросов к этой шаланде: пусть доставят на борт хорошую порцию беломорской рыбы. То-то команда обрадуется: пересолёная норвежская треска всем давно надоела. «А русские

рыбаки пусть продемонстрируют традиционное для русских гостеприимство».

Помощник капитана вдруг высказал вполне резонное предположение: русские рыбаки могут оказать сопротивление и не отдать добровольно пойманную ими рыбу:

- Они с придурью, эти русские – это весь мир знает. Могут заартачиться... Как бы воевать с ними не пришлось...

- Со мной ещё никто не воевал, - отрезал капитан. - Пусть попробуют! Надо поставить их на место, этих аборигенов. А ну-ка, ребята, шугните их слегка. Мы им моментом мозги прочистим.

Один из быстроходных катеров получил команду сходить к поморской лодке и снять с неё пару снарядных ящиков свежей беломорской рыбы. Катер на лебёдках спустили в воду, и он с двумя опытными матросами на борту уже покачивался рядом с крейсером, ждал сигнала к рейду на рыбацкую лодку. Матросам приказали забрать у русских хорошую порцию рыбы и догнать корабельный караван, на пути к Архангельску. Для сноровистого катера – это максимум полчаса ходьбы.

Отец с сыном прекратили сборы и разглядывали неожиданно явившуюся армаду с искренним недоумением:

- Куда ето оне? – спросил сын.

- Можя на Архангельск попадают? – высказал сомнение и отец.

Столь грозное зрелище одетых в стальные, броневые одежды боевых громадных кораблей, с нависающими над бортами пушками, тяжёлыми надстройками, с веерами флажков, трепещущими на морском ветерке, – такое разноцветье морской мощи на фоне синевы, разлитой по всему небу, – всё это до крайности взволновало сердце юноши, никогда ранее не видавшего такой военной силищи.

Ионарий расслышал вдруг: от кораблей к ним долетел одинокий, нерезкий звук, будто там, в той стороне кто-то преломил карандаш. Через секунду рядышком с карбасом на воду плюхнулось что-то тяжёленькое, из воды выскочил маленький фонтанчик.

Отец с сыном переглянулись.

- Чё оно тако? – Ксенофонт приоткрыл рот в совершенном недоумении. Он понял - по их карбасу стреляли с борта военного судна, и рядом с их лодкой упала в воду пуля. Но никак не мог он взять в толк: а зачем? Никто никогда на его веку не стрелял по живым людям. Такого не бывало на Белом море. Какую угрозу они могли представлять на своём карбаске этой военной армаде?

Треск выстрелов со стороны кораблей усилился, вот пошла настоящая револьверная канонада. Отец и сын наблюдали, как на палубы и на боевые надстройки вышли люди в форменных одеждах, в фуражках и, направив в сторону лодки пистолеты, прицеливались и стреляли, стреляли и опять целились... Офицеры вытягивали вперёд правые руки, палили из личного оружия и будто соревновались в стрельбе по живым мишеням. Что-то там покрикивали, отдавали резкие команды, переговаривались, смеялись...

Они стреляли по местным мужикам, в поморов там, где никто и никогда не стрелял вот так вот в них, открыто и нагло – в беломорской акватории. Будто, по зверькам, обезьянкам или аборигенам на островах Сардинии или в других диких местах, где офицеры доблестного английского флота изрядно кроваво покуролесили.

Пули ударялись о воду, стучали об неё. Некоторые отскакивали от водной поверхности и с визгом уходили на рикошет, затихали в воздухе. Слава Богу, ни одна не ударила в деревянный корпус карбаса, не пробил его.

Ксенофонт, взбешённый, с перекошенным от злости и от страха за сына лицом, вскочил с банки, замахал над головой пудовыми кулачищами, сипло заорал в сторону кораблей:

- Я, едри вашу мать, башки ваши вёслами чичас раскокаю! Суньтесь токо сюды, собаки! Какого хера палить тут стали, говна сраные! Ужо я вас!..

Он крепко осерчал на англичан, помор Ксенофонт Разбаков.

Ионарий ещё минуту назад и представить себе не мог этих красивых, форменно одетых офицеров в шикарных фуражках с разлапистыми кокардами, элегантно стоящих на корабельных мостиках и в статных позах разглядывавших в бинокли беломорские окрестности, вот так буднично и вполне равнодушно стреляющими из револьверов по нему и по его отцу, ничего плохого им не сделавшим. И стало ему вдруг понятно: вели они огонь не просто так, из офицерского куража, а желали в них попасть, убить его вместе с батькой. От этой простой и, скорее всего, верной мысли его пробил

вдруг озноб и возникло яростное желание отомстить этим дикарям, неизвестно зачем прибывшим на его родину и так вероломно и нагло обращающимся с его жизнью.

Стрельба и вправду вскоре затихла. Только самое малое судно сопровождения – пассажирский катер - вдруг включил форсажные обороты, развернулся и помчался в их сторону.

- Чево им ешшо-то хочче? – спросил сам себя Ксенофонт, взбешённый пальбой по их с Ионарием карбасу. Желваки ходили по его лицу. Он, глядя на приближающийся катер, привзнял тяжёлое весло из уключины, держал его наперевес в обеих руках, покачивал, примеряя, готово ли оно к бою. Под плотным своевязанным свитером гуляли на руках мышцы.

- Ишь ты, ядрена тётка, - приговаривал он, глядя на приближающийся катер, - удумали чего сукины ребята, воевать с нами удумали... Дак мы с сыном моим поглядим ешшо, чево оне тут... Суньтесь тока...

Катер в самом деле на быстром ходу примчался к ним, но метров за пятьдесят осадил скорость, быстро огруз и потихоньку дочапал до карбаса. Но довольно сильно стукнулся носом в борт, карбас резко пошатнулся.

- Нно, осади! - рявкнул Ксенофонт на пассажиров катера.

Тех было двое, крепких на вид иностранцев с сосредоточенными, равнодушными физиономиями. На головах - бескозырки без ленточек, плоские сверху, с высокими тульями, одеты в чёрные, рабочие комбинезоны из грубой ткани. На шее у каждого - тёмные платки, щеголевато перетянутые снизу узелками. Один сидел в носу, на передней банке, глядя вперёд и вальяжно расставив ноги, другой стоял в корме, держась за фанерную крышку, закрывающую мотор. Перед ними с веслом наперевес высился помор, столь же крепкий мужик, как и они, с грубым и свирепым лицом, красным от солнца и морских ветров.

- Не бойся его, Альберт, - спокойно сказал на английском языке тот, в корме, - он напуган нашей стрельбой, видишь, как судорожно вцепился в свое дурацкое весло.

- Да я и не боюсь, - ответил другой, - чего он нам сделает, пусть попробует!

Он уцепился руками за край карбаса и потянулся вперёд, перегнулся через борт, заглянул вовнутрь.

Отец и сын поняли - перед ними англичане: еще несколько недель назад к ним в деревню приезжали незнакомые властные люди и объявляли народу, что скоро в Белое море придут именно они. К ним нужно относиться радушно, как к цивилизованной нации.

Вот они пришли...

- Тут много рыбы, - громко объявил Альберт.

Он пошарил руками среди сваленного в носу катера такелажа и где-то под веревками нащупал старое, помятое ведро, для вычерпывания заборной воды из катера. Взял он это ведро и стал с деловым, озабоченным видом перелезать через борт. По-хозяйски отодвинул Ксенофонта, стоявшего на дороге, и, упав на карачки посреди кучи рыбы, начал загребать камбалу в ведро.

Ксенофонт несколько мгновений изумлённо наблюдал за неподдающимися его поморской логике действиями иностранца: среди людей, живущих на беломорских берегах, так не принято. Судя по повадкам, эти двое - из английского портового, разгульного люда, понятия не имели о правилах нормального поведения в человеческом обществе. Они раньше не знали поморов, у которых уважение к людям, тем более незнакомым, воспитывается с раннего детства.

Но сейчас не до нравоучений. Долго Ксенофонт не мешкал. Здоровенный и крутой в своём обычае, он особенно не размышлял, что делать с нечестивым человеком, посягнувшим на деревенские правила приличия. Ежели кто-то подлю выпадал из этих правил, сразу же получал от него по морде. Конечно, так он поступал только, когда дело касалось его самого или же человека беззащитного, того, кто не мог за себя постоять. Тем более, сейчас в руках у него находилось тяжелое весло... Он сделал замах и крепко, очень крепко шарахнул по спине английского бродягу, стоящего на карачках в куче камбалы, Ксенофонтом, пойманной на продольник в дельте его родной реки - Северной Двины. С ведром рыбы в руке, украденной у него, поморского мужика.

Англичанин взвыл и завизжал, словно тяжело раненный кабан, ударенный грозной дубиной сильным охотником поперёк хребтины. И, не в силах подняться, остался лежать пластом на рыбе, со скукоженной физиономией, уткнувшейся в беломорскую рыбу - камбалу. Неопытный этот англичанин не знал ещё одного: поморам сильно не нравится, когда у них

бесцеремонно воруют их добычу. Он совершил неразумные для обитателей Белого моря действия, используя извечную английскую пиратскую привычку тащить от моря всё, что плохо лежит.

На выручку ему бросился его товарищ, верзила, сидевший на кормовой банке, поросший рыжей щетиной, с давно не скобленной, прокопчённой загаром физиономией. В руке он держал большой и длинный револьвер. Ксенофонт к этому времени уже отталкивал веслом карбас от катера. Англичанин с револьвером наизготовку, крича что-то гортанное и, наверное, страшное, махал судорожно руками и выплескивал из перекошенного рта брызги слюны. Похоже, у него совсем отсутствовали зубы, выбитые в постоянных портовых стычках. Он требовал у Ксенофонта, чтобы тот вернул карбас к катеру: ему нужно было попасть в лодку и помочь товарищу.

Поняв, что абориген не собирается исполнять его команду, английский моряк поднял оружие и выстрелил в воздух. Над морем хлётко и невероятно громко прозвучал выстрел из неведомого для поморов огромного револьвера. Ионарий перепугался, втянул голову в плечи и вскрикнул: в его маленькой судьбе ещё не случилось, чтобы так близко стреляли из револьвера. Отец его даже не вздрогнул, он за долгую морскую жизнь перевидал уже много чего разного. Ксенофонт, держа в руках весло, продолжал сильными, размашистыми махами отгребать от катера.

Англичанин, сторбившись, в страшной спешке, шустро перебирая толстыми ногами, совершил перебежку от носа к мотору, быстро переключил рычаг скорости от холостых оборотов на режим хода и очень скоро догнал карбас.

Он ткнулся носом катера в бок карбаса, схватился за кочет, держался за него одной рукой, качался вместе с рыбацкой лодкой и не знал, что делать дальше. Ему надо было выручать напарника, лежащего на груди камбалы, орущего от боли, выкрикивающего невероятные ругательства в адрес русского кретина Ксенофонта, и этого дурацкого карбаса, и этой мерзкой рыбы, и этого проклятого русского моря, куда его отправил сам дьявол, проклятого, проклятого... И козлиного отродья - боцмана, который послал его сюда... Наверное, эта русская, гигантская горилла переломала ему ребра, отчего он не может теперь пошевелиться, чтобы переползти к краю лодки и перебраться на свой катер. Каждое движение отзывалось жуткой болью в спине. Билл, старый его приятель, ждал в трёх метрах, но это небольшое расстояние казалось непреодолимым.

Но Альберт понимал: он неминуемо погибнет, если сам не приблизится к катеру. И, преодолевая страшные страдания, вскрикивая при каждом усилии, он подползал сантиметр за сантиметром к спасительной руке Билла. Прополз мимо ног этого русского чудовища – Ксенофонта, стоявшего наизготовку с тяжёлым веслом в руках и готового в любую секунду вновь пустить его в ход.

Но, когда он почти уже миновал грозную и опасную фигуру помора, его обуяла неистребимая ненависть к нему, изувечившему его спину, заставившему ползать по проклятой скользкой камбале. До недавнего времени Альберт, ливерпульский портовый забияка, никому не прощал нанесённых ему обид. Ему обязательно нужно было отомстить тому, кто посягнул на его честь. Собрав волю в кулак, с визгливым вскриком, он выбросил вперед колени и правой голенью сильно пнул Ксенофонта по лодыжкам. От неожиданности тот вскрикнул и слегка присел. Но тут же выпрямился и вновь поднял весло. На этот раз Ксенофонт, конечно же, разможил бы англичанину дурную башку...

Но Билл поднял чёрный револьвер... И успел первым. Грохнул выстрел, и тяжёлое тело Ксенофонта медленно согнулось в пояснице...

Когда Билл по камбальей куче волок скрючившегося приятеля к привязанному к носу карбаса катеру, сидевший на банке с глазами, полными ужаса и слёз Ионарий вскочил и со всей силы толкнул его. Билл завалился на бок вместе с Альбертом, и они какое-то время выкарабкивались из рыбы. Наконец, Билл вскочил, прыгнул к Ионарию и наотмашь, сильно ударил подростка кулаком в лицо. Мальчик потерял сознание.

Когда он очнулся, болела щека, ныл опухший глаз. Англичане из карбаса исчезли. Пропал куда-то и их катер, горизонт был чист. Наверное, Илларию долго не приходил в сознание.

Мёртвого отца он нашёл на дне кормы. Ксенофонт, согнувшийся пополам, лежал, раскинув руки, лицом вверх. Не отражались на его бледном челе ни страдание, ни печаль. Было лишь недоумение. Наверное, оттого, что на его жизнь посягнули воры и забрали эту жизнь. Отец всегда изумлялся, когда встречался в жизни с явной, выходящей за рамки разумного несправедливостью. И всегда отстаивал справедливость такую, какую понимал и видел сам.

Рыдающий подросток долго-долго сидел над телом убитого отца, всё плакал, плакал... Его плач не утих и, когда он сидел за вёслами, грёб к родной деревне. Потом горько плакал всю оставшуюся жизнь о несостоявшейся судьбе, в которой им, любящим друг друга людям – отцу и сыну - надлежало быть рядом ещё многая и благая лета.

Над морем и над побережьем висел бледно-розовый воздух конца белой ночи, осенённый светлостью насквозь прозрачного неба. Посреди этой привычной для любого помора и всегда радостной картины плыл в свою деревню на тяжёлом карбасе, воруя громоздкими вёслами, плачущий мальчик. И вёз домой мёртвого отца.

На берегу его никто не встретил, потому как стояла ночь, и все люди спали. Только чайки, вечно голодные чайки вовсю пользовались светлостью белой ночи, и летали вдоль берега, садились на него, и бродили по песку, выискивая острыми и жадными глазами морские отбросы. Дрались между собой из-за них и всё кричали-кричали.

Ионарий сидел в карбасе, уткнувшись в берег. Якорь-кошку он выбросил на песок, чтобы лодку не понесло от берега. Он не мог идти домой, потому что привёз в дом слишком худые вести и потому что у него уже не было сил.

Утром к карбасу пришла вся деревня и оплакала своего лучшего мужика.

Так летом 1918 года на русский Север нагрянули неожиданные гости. Началась иностранная интервенция.